

США И КНР В БОРЬБЕ ЗА ЛИДЕСТВО: УСПЕШНОСТЬ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Иванова А. В.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (410012, Саратов, ул. Астраханская, 83), e-mail: ivanovasasha.96@mail.ru

В настоящее время Соединенные Штаты Америки все чаще конкурируют с Китаем, которого определяют как главного соперника Вашингтона в борьбе за глобальное лидерство. Согласно современным теориям, мировой лидер помимо соответствия социально-экономическим и военным критериям должен обладать авторитетом и ответственностью, действовать, используя «мягкую силу». Однако во внешнеполитической стратегии США «мягкая сила» тесно связана с традиционными военно-политическими рычагами регулирования. Китай, напротив, утверждает концепции «коллективного» и «консенсуального» лидерства. В этой связи Вашингтон стремится адаптировать свои концепции лидерства под изменения, происходящие на мировой арене, трансформировать устоявшуюся политику «гегемонии» в ответственное лидерство. Однако, концепция «коллективного» лидерства КНР становится все более привлекательной для многих акторов международных отношений.

Ключевые слова: США, КНР, лидерство, гегемония, «мягкая сила».

THE USA AND THE PRC IN THE RIVALRY FOR LIDERSHIP: THE SUCCESS OF FOREIGN POLICY CONCEPTS

Ivanova A. V.

Saratov State University (410012, Saratov, Astrakhanskaja Street, 83), e-mail: ivanovasasha.96@mail.ru

Nowadays the USA are competing with China a lot, which they identify as the main Washington's competitor for global leadership. According to modern theories, the global leader should match not only social, economic and military criteria, but also possess authority and responsibility, behave using "soft power". However there is closer connection between "soft power" and traditional military-political control level in US foreign policy concept. Contrariwise, China validates concepts of "collective" or "consensual" leadership. In this regard, Washington aims to adapt their concepts of leadership in the way of world scene's changes and transform past policy of "hegemony" to responsible leadership. Nevertheless, the concept of "collective" leadership of China becomes more attractive for many international actors.

Key words: the USA, the PRC, leadership, hegemony, "soft power".

В настоящее время внешнеполитические стратегии и концепции лидерства Вашингтона начинают все больше конкурировать с Китаем, которого еще в 2000 г. Дж. Буш-мл. определил как «соперника», а не «стратегического партнера». Как же меняется содержание понятия лидерства для этих двух держав и особенности его практического осуществления в современных условиях? И чей подход наиболее адаптирован к меняющимся глобальным мировым очертаниям?

В связи с поставленными вопросами цель моей работы – проанализировать успешность внешнеполитических концепций США и КНР в контексте современных геополитических реалий.

Для достижения поставленной цели, необходимо поэтапно осуществить реализацию следующих задач: дать понятие лидерства, выделить его особенности; проанализировать концепции лидерства США и связанные с ними доктринальные основы внешней политики Вашингтона; определить «китайский подход» к построению системы международных отношений; показать практическое выражение отношения США и КНР друг к другу и степень успешности их внешнеполитических концепций.

Коротко определить феномен лидерства можно следующим образом: «лидерство – это субъективно-объективная способность субъектов мировой политики воздействовать на общемировые процессы с целью их упорядочивания и регулирования» [2].

В соответствии с определением, понятие лидерства неразрывно связано с таким явлением в международных отношениях, как регулирование. Д. М. Темников раскрывает его основную характеристику: регулирование должно представлять собой воздействие, подкрепленное желанием изменить поведение других субъектов или элементов системы международных отношений [5].

Также существует ряд критериев, которыми необходимо обладать лидеру для осуществления «регуляции» общемировых процессов.

Основные качества, присущие лидеру, наиболее конкретно и объективно определили немецкие исследователи. Это экономическая мощь и потенциал роста; политическая стабильность; развитый образовательный и научно-исследовательский сектор; наличие значительных природных ресурсов; потенциал лидерства в решении международных проблем и обеспечении безопасности; привлекательная социально-экономическая модель; военная мощь [10].

В то же время лидерство определяется и некоторыми моральными критериями, в чем мнения исследователей расходятся в диаметрально противоположных направлениях. Так, прежде всего, необходимо развести понятия «гегемон» и «лидер». Первое слово имеет более жесткую коннотацию. Понятие «гегемония» связано с жестким типом лидерства, для которого свойственны односторонний характер действий на мировой арене и идеологическое мессианство. Контрарное же ему «консенсуальное», «мягкое» лидерство предполагает открытость и либеральность ведущего актора международных отношений при существовании многополярной мировой системы, а также артикулирование своих интересов на мировой арене посредством «гибкой политики».

Исходя из этого, можно утверждать, что настоящий лидер должен соответствовать следующим характеристикам: добровольные передача и принятие полномочий по руководству мировых процессов, общепризнанный авторитет, учет чужих интересов, ответственность и ресурсоемкость [1].

США заявили о глобальном характере своих национальных интересов еще во время президентства Р. Рейгана. С этого времени Вашингтон реализовывал сформулированную неоконсерваторами концепцию лидерства, которую можно обозначить как жесткую гегемонию, где США формируют «безопасный» миропорядок в соответствии со своими ценностями. Ко второй половине 1990-х гг. формируется концепция «мягкой силы», или либерально-консервативная концепция лидерства. Однако и в этом случае прослеживается четкая связь новых идеологий с традиционными военно-политическими рычагами регулирования.

Доктрина «упреждающих ударов» 2000-х гг., потерпевшая крах в связи с агрессивной политикой руководства Вашингтона, апогеем чего стало военное вторжение в Ирак, адаптируется в более продвинутой, по мнению некоторых аналитиков, версию доктрины «глобального лидерства» Б. Обамы. Это нашло отражение в главных внешнеполитических доктринах – «Стратегиях национальной безопасности» 2010 г. и 2015 г.

Столкнувшись с реалиями современного мира, в этих документах Вашингтон декларирует принципиально новые положения: необходимость выстраивания коалиционной безопасности, утверждение «мягкой силы» как одного из основных инструментов влияния, а также приоритет международного законодательства над государственными интересами. В последней «Стратегии...» еще более отчетливо звучит тезис об углублении плюралистичности международного общества [7].

Однако рост геополитического потенциала Китая подвел Вашингтон к четкому осознанию необходимости его сдерживания. Это выразилось в утверждении доктрины «уравновешивания», предполагающей «тихоокеанский разворот» США, что было заявлено в докладе Б. Обамы «Удерживая глобальное американское лидерство. Приоритеты военного строительства в XXI веке» [9].

Опасения Вашингтона по поводу усиления роли КНР как потенциального мирового лидера отнюдь не беспочвенны. Пекин соответствует необходимому количеству вышеперечисленных критериев лидерства.

По темпам роста экономических показателей китайская экономика не имеет равных, что выразилось в достижении первенства в ВВП по ППС в 2014 г., и в 2015 г. этот показатель стал заметно опережать североамериканский [6].

Социально-экономическая модель государства, однако, не отмечена наличием «перекосов», характерных для столь активного роста экономики. Руководство Китая вводит масштабный пакет реформ в торговой, банковской и инфраструктурной сферах. Среди них – отказ в 2015 г. от т. н. «ВВПизма» (наращивания ВВП любой ценой), развитие альтернативных источников энергии, активная социальная политика. Стабильность касается и политической

сферы, несмотря на замечания некоторых экспертов о высокой конфликтогенности внутри-политической обстановки.

Что касается военной мощи, КНР находится на втором после США месте по расходам на ВПК. Согласно данным Стокгольмского института исследования проблем мира (СИПРИ), ее военные расходы в 2015 г. составили 215 млрд. долл. [8]. Китай также продолжает массово скупать высокие технологии по всему миру, совершенствуя их. Так, китайская компания Lenovo, купив известный бренд Motorola, вывела себя в строчки лидеров на мировом рынке смартфонов.

Все это, безусловно, создает вокруг Китая «лидерский имидж», но действительно ли, он желает осуществлять «регулирование» системы международных отношений?

Фундаментом внешнеполитической стратегии КНР является доктрина, принятая еще в 1993 г. Военным советом ЦК КПК, – «Три севера, четыре моря». Суть ее состоит в мирном распространении доминирующего влияния Китая – «срединного государства» – на «три севера»: США, НАТО и Россию.

Свою ответственность по обеспечению безопасности и поддержке мирного развития всех субъектов мирового сообщества Китай подтвердил на XVIII съезде КПК. Подтвердив установление «социалистического строя с китайской спецификой», Си Цзиньпин в своем докладе высказал тезис о возрождении китайской нации, что реализуется в стремлении КНР к «могуществу, демократичности и гармонии». Таким образом, доклад, объявляя Китай как единение трех начал, традиционного, современного и мирового, заключает в себе долгосрочную цель внешней политики – сохранение мирной международной обстановки, что необходимо для обретения Китаем статуса мирового лидера.

Демократия и гармония выражаются в китайской внешней политике в виде использования «мягкой силы», что было подробно изложено в статье «Китайская модель разрушает гегемонию “общечеловеческих ценностей”», опубликованной в газете «Жэньминь жибао» в январе 2013 г. [3]. Китай активно проводит экспансию своих культурных ценностей, видя в мире будущего многоцентричный мир без глобального доминирования западных моделей поведения.

Вашингтон на данный момент стремится выстраивать свою внешнюю политику в схожем с доктринальными установками Пекина ключе.

Так, сейчас в действиях обеих держав превалирует использование экономических и торговых инструментов распространения влияния. Следом за инициативой КНР о создании «Экономического пояса шелкового пути», США стремительно ускоряют процесс подписания таких долгосрочных проектов, как Транстихоокеанское партнерство (альтернатива АСЕАН и АТЭС, на площадках которых Китай играет значимую роль) и Трансатлантическое торговое

и инвестиционное партнерство с ЕС. ТТП же подписывается под давлением Вашингтона и может нанести серьезный экономический ущерб развивающимся странам АТР слишком низкими таможенными тарифами. Китай, напротив, инвестируя экономику многих государств мира, способствует развитию этих государств, вкладывая капиталы в строительство инфраструктуры.

Кроме того, Пекин стремительно наращивает влияние в Латинской Америке. Реакцией на это со стороны США стало организация дипломатической кампании в Южной Америке, беспрецедентной до сих пор в отношении этого региона. Ярким свидетельством этому становится восстановление отношений с Кубой и официальный отказ от «Доктрины Монро» в 2013 г. Объединенная Европа – стратегический союзник США – занимает верхние строчки в списке главных внешнеторговых партнеров КНР [4], что выступает одной из причин для интенсивного развертывания американской ПРО в этом регионе.

Если судить по официальным заявлениям американского руководства, США относятся к КНР дружелюбно, тем не менее действия Пекина негативно оцениваются Вашингтоном: не конфликтуя открыто, две страны остро конкурируют во многих сферах.

Таким образом, Вашингтон сейчас стремится адаптировать свои концепции лидерства под текущие изменения в облике мирового сообщества и трансформировать устоявшуюся политику «гегемонии» в ответственное лидерство. Однако концепция «коллективного» лидерства КНР становится все более привлекательной для многих акторов международных отношений. Многие американские эксперты прогнозируют, что Пекин, сосредоточив у себя все необходимые экономические рычаги управления мировыми процессами, станет позиционировать себя более жестко. Но, вероятнее всего, этот сценарий, если и станет возможным, то не в ближайшем будущем. Китайские концепции лидерства помимо эгоистическо-прагматических установок содержат в себе конфуцианские подходы к видению идеальной Вселенной. И эти многовековую философию почти невозможно будет изъять из китайского менталитета.

Список литературы:

1. Баталов Э. Я. Начало XXI века: мир без полюсов, мир без глобального лидера // Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США. – М., 2010. – С. 41.
2. Богатуров А. Д. Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. – М., 2002. – С. 23.
3. Ван И. Китайская модель разрушает гегемонию «общечеловеческих ценностей» // ИноСМИ. – 14.01.2013. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20130114/204595110.html>

4. Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы V международной научно-практической конференции / Под ред. Д. В. Буярова, Д. В. Кузнецова, Н. В. Киреева. – Благовещенск, 2015. – № 5. – С. 496.
5. Темников Д. М. Понятие мирового лидерства в современном политическом дискурсе // Международные процессы. – 2003. – № 2 (2). – Режим доступа: www.intertrends.ru/two/007.htm
6. International Monetary Fund // World Economic Outlook Database. Gross domestic product based on purchasing-power-parity (PPP) valuation of country GDP. – April, 2016. – URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/weodata/index.aspx>
7. National Security Strategy 2015 // White House. – February, 2015. – URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf
8. Perlo-Freeman S., Fleurant A., Wezeman P., Wezeman S. Trends in World Military Expenditure, 2015. – Solna: Stockholm International Peace Research Institute, 2016. – P. 2.
9. Sustaining Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. Washington: Department of Defense, 2012. – URL: <http://graphics8.nytimes.com/packages/pdf/us/20120106-PENTAGON.PDF>
10. Who Rules the World? The Results of the Second Representative Survey in Brazil, China, France, Germany, India, Japan, Russia, the United Kingdom, and the United States. – Hamburg, 2007. – P. 13.